

Сергей АКСЕНТЬЕВ

г. Севастополь

МОЙ ОСТРОВ

Автор выражает искреннюю благодарность Дмитрию Косинцеву, энтузиасту-краеведу, администратору сайта «Остров Кильдин», за любезно предоставленную возможность использовать в работе над очерком некоторые материалы и фотографии.

Острова, как и люди, имеют свой облик и свою судьбу. Есть яркие, экзотические острова. На них круглый год благоухает зелень, дует с моря нежный бриз, по вечерам, в лучах заходящего солнца, лениво шепчутся пальмы. Красивы южные струны души они не могут. Созданные для утех, они, подобно шампанскому, опьяняют лишь ненадолго. Есть острова-трудяги. На них добывают уголь, руду, морского зверя. Вся жизнь там подчинена добыче и подсчёту добытого. Тонны, штуки, головы – вот нехитрая житейская арифмети-

ка. Но есть ещё острова-стражи, основное предназначение которых – охранять морские рубежи государства.

На одном из них довелось мне в конце 60-х прошлого века прослужить шесть незабываемых лет. Имя ему Кильдин. Остров невелик: всего-то семнадцать километров в длину да около трех в ширину. Пейзаж незатейлив, а зимой дик и пустынен. В долгую полярную ночь, занесенный снегом, продуваемый свирепыми штормовыми ветрами и освещаемый фантастическими сполохами полярного сияния, Кильдин порождает тревожные чувства. И

все же есть в этой дикости какая-то мощная магнетическая сила, привораживающая душу, да так, что и по прошествии многих лет вспоминаешь его с особой теплотой...

Много лет я собирал всё, что хоть в какой-то степени имело отношение к острову. А потом, сложив отдельные факты и события в мозаику, был поражен получившейся картиной. Оказалось, что история острова захватывающе интересна, природа уникальна, а люди, жившие на его берегах, достойны поклонения за мужество и неукротимую жажду жизни. Так родился этот очерк.

*«...Написать когда-нибудь книгу обо всех островах, где пришлось побывать.
Расставить их по жизни как вехи.
Через них вернуться в прошлое».*

В.В. Конецкий

Остров загадок

Остров отделен от мурманского берега узким (от 0,5 до 2 миль) проливом – Кильдинской салмой. Однако кажущаяся близость человеческой цивилизации иллюзорна. Там, на матером берегу, на сотни верст простирается тундра. Дикий, нехоженный край. Когда в 30-х годах прошлого века на острове разместили лагерь Беломорского ГУЛАГа, усиленной наружной охраны не потребовалось. Несколько отчаянных попыток бежать через пролив закончились трагически. Кочевники-оленьеводы и охотники-лопари потом не однажды находили обглоданные песцами тела беглецов...

Кильдин – остров загадок. Начать хотя бы с того, что до сих пор не ясно его происхождение. Основу геологического строения Кильдина составляют сланцы, отчего береговые утесы напоминают слоеный пирог. А мурманский берег, как и весь Кольский полуостров, сложен из гранитных гнейсов. Подобное слоистое строение в ближайшей округе имеет только полуостров Рыбачий. Легенды связывают происхождение острова с происками саамских шаманов-нойдов. Вот одна из них. Когда преподобный Трифон, основатель Трифоно-Печерского монастыря, своими проповедями обратил в христианство большую часть саамов, нойды возмутились и решили проучить отступников. Отломив от Рыбачьего огромный камень, они потащили его по морю, чтобы заткнуть горло Кольской губы и лишить поморов океанского промысла. Но на берегу увидели плывущих на каменной глыбе нойдов и закричали: «Земля идет! Земля идет!» И тотчас кричавшие окаменели, нойды исчезли, а земля остановилась. С тех пор и торчит из воды у входа в Кольский залив угрюмый камень-остров Кильдин.

Неизвестно и значение слова «Кильдин». Одни исследователи полагают, что оно непереводаемо. Другие, что приблизительно соответствует голландскому «кильтед» – «запрещать» и, следовательно, название острова может быть истолковано как «Запретное место».

Загадкой является и озеро, расположенное в юго-восточной части острова. Оно невелико (560 на 280 метров) и от пролива отделено узкой полосой суши. В нем пять слоев воды различного состава. У самого дна безжизненный, отравленный сероводородом слой. Над ним своеобраз-

ный щит, преграждающий путь наверх сероводороду – слой, насыщенный пурпурными бактериями, которые «цветут» в июле-августе, окрашивая озеро в светло-вишневый цвет. Третий слой, по сути, фрагмент Баренцева моря. Даже соленость воды в нем такая же, как в море. Здесь обитают треска, морской окунь, морские водоросли и морские звезды. Однако они и по размерам, и по цвету отличаются от своих морских собратьев. Четвертый слой – рассол, разбавленный пресной водой. Здесь царство медуз и некоторых ракообразных. У поверхности лежит 4-5-метровый слой пресной воды. Необычный морской аквариум глубиной чуть больше 16 метров, не имеет перегородок, и все же обитатели его не нарушают невидимых границ и никогда не мигрируют из одного слоя в другой. Как образовалось озеро, каким образом на протяжении веков сохраняется в нем такой слоистый баланс? – вопрос, над которым бьется не одно поколение ученых.

Своеобразна и природа Кильдина. Северная часть острова обрывиста и необитаема. Климат её типично арктический. Южная же, террасами спускающаяся к морю, в летнюю пору напоминает альпийские луга с причудливыми водопадами, густой сочной травой и зарослями полярных кустарников. Здесь зимы мягче, а лето продолжительнее, чем наверху. На каменистых плато, покрытых серебристым мхом ягелем, много пресноводных озер. Летом обилие ягод (черника, голубика, морозика, брусника) и грибов (в основном белый и подосиновик).

Намоленная земля

Восточная часть острова, лопаткой вдающаяся в пролив, образует удобную для стоянки судов Корабельную бухту (таково её первое название). В былые времена в летнюю пору иностранным судам было тесно в её акватории. Заморские гости из трюмов выкатывали бочки с вином, тащили мешки с сухофруктами и пряностями, раскладывали на лужайках слитки меди, свинца и олова, яркие тюки парчи, атласа, бархата. Сияли на солнце россыпи драгоценных камней. Звенело серебро и золото. А с Кольской земли и из окрестных российских губерний купцы везли на Кильдин меха, речной скатный жемчуг, моржовый клык, рыбу, тюленьё сало, гагачий пух. Раз-

ноголосая речь, смех и песни все лето оглашали кильдинские сопки...

В конце XVI века на берегу Корабельной бухты держал свой базовый лагерь и знаменитый Виллем Баренц. Отсюда в июне 1594 года на четырех судах мореплавателю впервые отправился в океан для поиска северного морского пути в Китай и Индию. Сюда же 25 августа 1597 года после трагической зимовки на Новой Земле, где скончался отважный командор, на утлом суденышке возвратились двенадцать моряков последней голландской экспедиции. Лопари, жившие в это время на острове, обогрели, накормили несчастных и помогли добраться до Колы, где стояло голландское судно. В честь погибшего командора Мурманское море стали называть Баренцевым.

В середине XVIII века предприимчивые монахи Соловецкого монастыря на берегу бухты поставили рыбацкое становище и наладили регулярный морской промысел. Обустроивались добротной. Срубили большую избу для промышленников с просторными чуланами, товарней и другими хозяйственными пристройками. Поодаль устроили соляные и мучные амбары, рыбный погреб, салогрейню и караульню. На берегу соорудили рыбные елуи (помосты из жердей для сушки рыбы). Вырыли колодец, а рядом с ним поставили баню. Установили на взгорье привезенную в разобранном виде деревянную часовню. Сохранилось даже её описание: «часовня брусчатая, рубленая в лапу в закрой, а к ней крышка шатровая на 4 ската. На шатер глава, а на главу крест. Двери с крюками и петли железными, и с пробоями и с замком». В часовне держали иконы: распятие Господне на каменной плите, Тихвинская Богородица на железной доске, Преподобные Зосима и Савватий. Бухту и становище стали именовать Монастырскими. При удачных уловах только за лето для Соловецкого монастыря здесь заготавливали более 760 пудов палтуса и около 1400 пудов трески.

...Долгое время царское правительство смотрело на Мурман как на бросовую землю. Этим пользовались морские листригоны. Весной 1809 года в Монастырскую бухту пожаловал английский фрегат. Захватив стоявшие на рейде баржи с зерном, англичане перебили оцепеневших от ужаса монахов, сожгли часовню, разграбили дома, амбары и склады. На пепелище устроили притон, откуда безнаказанно совершали набеги в Колу, на Терский берег и в Белое море. После ухода варваров погост представлял жуткую картину: обугленные остовы строений, оскверненные могилы. Алчные сыны Альбиона забрали все: намоленные иконы, церковную утварь, предметы культа. Не погнушались даже чанами для топки сала и бочками для засола рыбы. Бухту и уни-

кальное пятислойное озеро, расположенное рядом, с тех пор стали именовать Могильными.

Побывавший на Кильдине в 1822 году известный путешественник Ф. П. Литке с возмущением писал в своем дневнике: «Взять имущество неприятельское позволительно... Но сжечь, разорить без цели и намерения скудный приют мирных, безоружных рыбаков – есть подвиг, которым бы погнушался и норманн IX века, а это сотворили военные суда первой мореходной державы – державы, славящейся наибольшим просвещением, правомыслием и человеколюбием! Кто бы это мог подумать?»

Неосуществленный проект

Первым на уникальность Кильдина указывал Пётр Михайлович Ломоносов: «Португальцы от своих берегов имели ходу в Ост-Индию до Малабарского берега семнадцать тысяч верст; у нас от Кильдина-острова (ежели оттуда главное предприятие воспоследует) до Чукотского носу, до которого из Камчатки доходил открытым морем Беринг, не больше пяти тысяч верст». Великий патриот ратовал за освоение Северного морского пути, доказывая полезность и выгодность такого предприятия: «Россия, имея Северный океан, лежащий при берегах, себе подданных и по большей части исследованных и описанных, за одним только льдом и стужей не продолжает своих важных и преславных предприятий, дабы достигнуть к тем берегам восточным, где не токмо от неприятелей безопасна, но и свои поселения и свой флот найдет...»

Однако эти призывы российскими чиновниками не воспринимались. Более того, в 60-70-е годы XIX века в правительственных верхах бытовало мнение: «Целесообразнее и выгоднее все северное население переселить в другие местности, а Кольский полуостров продать Англии, как это сделали с Аляской». Но лучшие люди того времени стали на защиту Кольского севера. Ученые убеждали сановных особ в стратегической значимости незамерзающих кольских губ, указывали на огромные богатства тамошних рыбных промыслов. И хотя упорство чиновников было необычайное, правительство решилось, наконец, заняться проблемами Мурмана.

Как всегда, начали с посул. В высочайше утвержденном Положении Комитета министров от 22 ноября 1868 года «О льготах для поселенцев Мурманского берега в Архангельской губернии» было объявлено: тем, кто решится осесть на мурманских берегах «на времена вечные», правительство поможет с обустройством. Разрешит беспошлинную торговлю

не». В итоге завязалась канцелярская переписка, в очередной раз похоронившая смелый проект.

И все же к нему вновь вернулись почти полвека спустя. На этот раз инициатором строительства «образцовой колонии на Мурмане» выступил архангельский губернатор И.В. Сосновский. В 1910 году он подал в правительство записку «О мерах развития колонизации Мурмана». Губернатор предлагал не расплять государственные деньги на обустройство Мурманского края, а, выбрав наиболее подходящее место, направить их на строительство образцовой промысловой колонии. Особое внимание Сосновский уделял грамотному выбору места её постановки. По его мнению, оно должно быть: благоприятным в географическом смысле; близким от промыслов; иметь удобную гавань для судов и удовлетворительные топографические данные. *«Оценив с этих точек зрения различные пункты Мурманского побережья, – писал он в записке, – я на основании личного знакомства с краем, а также отзывов сведущих лиц и литературных указаний специалистов, нахожу наиболее подходящим местом для обустройства первой образцовой колонии – самый крупный остров Мурмана – Кильдин».*

Взяв все лучшее из проектов Амона и правительственной комиссии 1872 года, учтя опыт преуспевающих колонистов Эриксонов, более тридцати лет живущих на Кильдине, Сосновский разработал план образцовой колонии, в котором максимально учел как интересы нынешних колонистов, так и будущих поселенцев. Не упустил из виду губернатор и санитарно-экологическую безопасность будущего города-порта: *«В предотвращении антисанитарной и опасной в пожарном отношении скученности, обычно наблюдаемой в мурманских колониях, разраставшихся безсистемно, – усадебные участки на Кильдине проектированы в кварталах, разделяющихся широкими улицами».*

Хорошо представляя первостепенные нужды людей, прибывающих на поселение, Сосновский предполагал первым делом построить на острове: лесной склад с пиленным лесом и стандартными бревнами для жилищ с расчетом на одновременную постройку не менее 20 домов и склад снастей, такелажа и дельных вещей для рыболовных судов. *«Эти предметы, – указывал Сосновский, – важно иметь на месте и притом хорошего качества и усовершенствованного типа».*

Настоящей бедой кольских поморов всегда являлось отсутствие на Мурмане эллингов, где промышленники в любое время могли бы произвести быстрый и качественный ремонт судов. Реформатор предлагал разрешить и эту проблему, устроив

современные эллинги на южном берегу Кильдина.

План Сосновского и смета денежных средств на строительство были одобрены российским правительством, но случившиеся революции и военная междоусобица погребли его, как и другие важные для процветания России проекты, под развалинами рухнувшей Империи...

Кильдинская одиссея Эриксонов

В 70-х годах XIX века в бухте Могильной на месте разрушенного англичанами становища Соловецкого монастыря обосновалась молодая норвежская пара Юхан Педер (29 лет) и Каролина Мартея (24 года) Эриксоны с двумя малолетними дочерьми. Место было прекрасное: обильные выпасы для скота, по берегу много плавника, пригодного для строительства, недалеко озеро и ручей с отличной пресной водой... и почти необитаемый остров. Лишь на западном побережье несколько летовищ кольских лопарей. А до ближайшего населенного пункта Териберки, на матером берегу, 20 морских миль.

Обстоятельства, вынудившие Эриксонов покинуть родину и перебраться на чужбину, до конца не ясны. Скорее всего, как это и бывает в жизни, их несколько. Норвежский исследователь Ула Сеттер объясняет этот поступок тем, что Юхан Педер при крещении получил общественный статус «innerst» – *«рабочий, живущий у арендатора».* Поэтому не мог рассчитывать на самостоятельное владение и даже аренду отцовского хутора. Кроме того, в Норвегии было принято, что молодой человек, прежде чем обзаводиться семьей, обязан обзавестись собственным домом. А тут двадцатидвулетний Юхан в октябре 1864 года неожиданно женится на 18-летней Каролине Мартее Ергенсен. Отец, которому тогда не было и 50, конечно, возмутился, но приютил молодых в своем доме. Однако делиться хозяйством не собирался, поскольку сам был физически крепок и полон энергии. Через три года в семье росли уже две дочери. Настала пора подумать о самостоятельной жизни. Выходя на рыбные промыслы в Лафонтены и Финмаркен, Юхан присматривался к новым местам, прислушивался к расказам бывалых людей. А между тем жизнь на родине дорожала, росла конкуренция среди местных рыбаков, тяжелее становилось налоговое бремя. Особо неурожайным выдался 1867 год. Цены на все товары подскочили невероятно. Многие норвежские семьи эмигрировали в страны Европы и набравшие силу американские штаты. Покинули отцовский дом в Брейвике и Эриксоны. Сначала по-

пытали счастья в Вардё, но вскоре перебрались на северное побережье полуострова Рыбачий в колонию Сесбуска (Зубовские острова). Там проживало всего шесть норвежских семей. Но колония быстро росла, пополняясь такими же, как и они, переселенцами. Через два года в ней уже жили 37 семей. Предприимчивый Юхан видел, что особо размахнуться с хозяйством здесь не получится. Погрузив на большую ёлу домашний скраб, орудия лова и домочадцев, он отправился в поисках лучшей доли на Мурман. Там была отличная рыбалка. Ходили упорные слухи, что на необитаемом острове Кильдин вскоре вырастет город – центр Мурманского края, по благоустройству не уступающий Вардё. На нем он и решил обосноваться.

Приняв российское гражданство, Юхан Эриксен получил неплохую государственную поддержку: лес для строительства дома, большие сенокосные угодья на южном берегу Кильдина, несколько коров холмогорской породы, ссуду на приобретение плавсредств, орудий лова и охоты на морского зверя. А главное, право беспошлинной торговли своими товарами. Благодаря исключительной целеустремленности, рачительности и умелому ведению хозяйства рос достаток в постоянно увеличивающейся семье. С открытием регулярного пароходного сообщения между Архангельском и Вардё появилась возможность прибыльно сбывать продукты и за границу. В отличие от многих своих земляков, Эриксен не занимался торговлей дешевым норвежским ромом, дававшей бешеные и быстрые деньги, не наживался на перекупке товаров и эксплуатации наемных рабочих. Единственному работнику, которого подражал на сенокос, всегда платил хорошо.

К 1890 году в дружной семье было уже 11 детей (5 сыновей и 6 дочерей). Усадьба Эриксена на берегу кильдинской бухты стала достопримечательностью края. В «Путеводителе по Северу России», составленном вице-губернатором Д. Островским в 1898 году, говорится: «У моря, в бухте Монастырской, стоит дом норвежского колониста Ивана Эриксена – образец мурманских построек. Дом деревянный, двухэтажный, с крыльцом, балконом и флагштоком, без фундамента, крытый дерном. Два нижних до пола венца бревенчатые, четыре следующие венца

до окон из двухвершковых досок... Сруб по мере достатка постепенно, но плотно обшивается тесом. Рамы двойные... Печи кирпичные и чугунные. Дом теплый, семейство большое, рослое, здоровое, приветливое. Живут зажиточно и чисто».

Нажитое тяжелым трудом добро глава семейства, человек по натуре властный, бдительно охранял, не разрешая никому селиться в окрестностях своих владений. Пытавшихся нарушить запрет Юхан травил собаками, ломал орудия лова, грозил физической расправой, поэтому в течение почти тридцати лет Эриксены оставались единственными постоянными жителями острова. Но, несмотря на крутой нрав, Юхана на Мурмане уважали, почтительно называя «Кильдинский король».

В 1903 году от сердечного приступа скончалась Каролина, а двумя годами позже от рака горла умер Юхан. Их похоронили на острове недалеко от усадьбы. Большое хозяйство поделили между собой сыновья. Монопольному владению угодьями пришел конец. С началом Первой мировой войны на Кильдине расквартировали небольшой военный гарнизон, а в бухте Могильной появились дома русских поморов.

Революция 1917 года свершилась на Мурмане быстро и бескровно. Но спокойной жизни она не принесла – началась Гражданская война и белогвардейская военная интервенция. На остров прибывали беженцы. Там тоже жилось не сладко, но

Постройки первопоселенца Эриксена на острове Кильдин

зато мирно. В марте 1919 года заведующий (он же учитель) Кильдинским училищем 1-й ступени Дмитрий Андреевич Козырев (27 лет) сообщал в Александровскую уездную управу, что занятия в школе (избе из двух комнат и небольшой кухни) идут по плану, «...на острове детей школьного возраста – 20, населения – 130 человек. Количество учащихся обоего пола – 12 (мальчиков – 4, девочек – 8). В училище за неделю дается 28-29 уроков». Среди учеников были и дети норвежских колонистов.

Окончание Гражданской войны на Мурмане (март 1920 года) не оправдало надежд на восстановление семейного достатка. Западная часть Печенги стала финской территорией, свободный проезд и обмен товарами с Норвегией прекратился. Новые власти смотрели на «русских норвежцев» как на людей с подозрительным «буржуазным прошлым». В 1931 году всех поморов, живших на Кильдине, объединили в рыбколхоз «Смычка». Однако 59-летний Карл Юхан (старший на тот момент представитель рода Эриксонов) вступать в колхоз не захотел. Тогда на сельском сходе его обязали отдать в общее хозяйство моторную лодку, которая с детства «кормила» семью. Эту несправедливость Карл не стерпел: вывел из строя мотор и утопил его в море. А вот дети – дочь Ингрид и сын Эрлинг – новую власть с энтузиазмом поддержали. Ингрид вышла замуж за одного из организаторов колхоза «Смычка» Нила Садикова, а пятнадцатилетний Эрлинг стал шкипером на колхозном рыболовном судне «Кралик». Унаследовав от своих предков независимый и прямой характер, он открыто критиковал местную колхозную власть за головотяпство и вредительство. И она не осталась в долгу. В феврале 1938 года Эрлинг по доносу в шпионаже и антисоветской агитации был арестован НКВД становища Кильдин Териберского района. В справке «О реабилитации жертв политических репрессий», выданной прокурором Мурманской области в 1993 году, сказано: «*Эриксон Алинг (Эрлинг) Карлович, 1916 года рождения ...находясь под следствием, скончался 28 декабря 1938 года во 2-й городской больнице г. Мурманска от обострившегося двухстороннего хронического туберкулеза легких*». Ещё нескольких Эриксонов постигла такая же участь.

Тяжелый удар по норвежскому роду нанесла эвакуация с острова всего гражданского населения. В 1939 году их сначала перевели на Абрам-Мыс, напротив Мурманска, затем переправили в глубь Архангельской области и далее за Урал. Мало кто из них дожил до победного дня 1945 года. Выживших жизнь разбросала по городам и

весям огромной страны. Некоторым удалось вернуться на родину своих предков в Норвегию. А вот на остров не вернулся никто.

...Так закончилась семидесятилетняя кильдинская одиссея трудолюбивого норвежского рода Эриксонов.

Брусчатка

...Вдоль отлогого южного берега вьется лента грунтовой дороги. Она соединяет Западный и Восточный (Могильное) поселки. Дорога избита тяжелым транспортом, изъедена промоинами и ухабами. О ней не стоило бы и упоминать, если бы не отменная брусчатка, которая вдруг начинает приятно шуршать под колесами где-то на середине пути. Около двух километров машина лихо катится, даже не покачиваясь, по свинцово-серым мостовым камням. Разглядывая тщательно пригнанные граниты, невольно вспоминаешь брусчатку на Красной площади и, даже не будучи специалистом-дорожником, отмечаешь, что строили её высококлассные умельцы на века.

...Вскоре после официальных торжеств по поводу открытия Беломорско-Балтийского канала в Мурманск прибыл пароход «Анохин» (13 июля 1933 года) с высокой правительственной комиссией на борту. Там Генеральный секретарь ВКП(б) И.В.Сталин, нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов и первый секретарь Ленинградского губкома (обкома), главный куратор Беломорско-Балтийского канала и Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОИ) ОГПУ С.М.Киров на буксире «Буревестник» совершили инспекторский осмотр Кольского залива и близлежащего морского побережья Мурманска с целью выбора мест базирования кораблей и береговых частей будущего Северного флота.

Последующие события развивались стремительно. Уже 5 августа по Волго-Балтийской водной системе в Мурманск прибыл отряд боевых кораблей Балтийского флота, в сентябре был сформирован Мурманский укрепленный сектор береговой обороны, а 10 мая 1935 года на острове Кильдин началось строительство мощной (калибр 180 мм) башенной артиллерийской батареи. Одновременно строили открытые позиции для артиллерийских и зенитных установок, причал для военных кораблей на Западном Кильдине. В скалах метростроители пробивали штольни для будущих ремонтных цехов. На южном берегу в районе мыса Пригонный возводили взлетно-посадочную полосу для авиации Северного фло-

та. На кильдинском плато (около 250 м над уровнем моря) ставили казармы, жилой городок (Кильдин Новый) для военных, базовый лазарет, клуб, пекарню и банно-прачечный комбинат.

Для бесперебойной доставки тяжелых крупногабаритных грузов и техники на строительные объекты нужна была дорога с твердым покрытием. О строительном материале позаботилась природа – осушка южного берега сплошь усыпана гранитными булыжниками, а проблем с кадрами у начальства ГУЛАГов никогда не было. В их распоряжении имелись и классные военспецы, и умелые организаторы производства, и квалифицированные рабочие.

Понимая ответственность задачи и реальную угрозу (в случае малейшей промашки) личной безопасности, главный «мастер заплечных дел» жесткий кнут сдобривал мягким пряником. В одной из директив начальнику УНКВД Ленинградской области он требовал: «...лично наблюдать за качественным отбором контингентов... Отправить только мужчин – лучших производственников, здоровых, пригодных к тяжелому физическому труду в условиях Севера, имеющих остаток срока заключения не менее 6 месяцев.

...Объявить заключенным, что всем хорошо работающим на строительстве будет выдаваться повышенное премиальное вознаграждение. Лучшим ударникам и особо отличившимся по окончании строительства будут применены льготы в виде сокращения сроков. А лучшие ударники-рекордисты будут освобождены досрочно и представлены к наградам.

По отношению же отказников, дезорганизаторов производства и лагерного режима применять самые суровые меры.

Народный комиссар внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности Л. Берия».

...Долгие годы сведения о пребывании в тюрьмах НКВД кадровых офицеров и использовании их на строительстве военных объектов Севера составляли государственную тайну. Впервые («Новый мир» №2, 1962) массовому читателю об этом рассказал Вениамин Каверин в повести «Семь пар нечистых». Позже (1992–1993 гг.) ещё чуть-чуть приподнял завесу секретности мурманский краевед, доктор исторических наук, профессор А. А. Киселев. В подборке материалов «ГУЛАГ на Мурмане», опубликованной в местной газете «Советский Мурман», он поделился с читателями добытыми сведениями. В частности, в них сообщалось, что в ходе так называемой «проверки (1937–1938 годы) органами НКВД руководящего и личного состава» было выявлено более 30 «участников военного заговора на

Северном флоте». Все они были арестованы и прошли через пытки, издевательства и психологический прессинг в застенках НКВД. Среди них командующий Северным флотом К.И. Душенов (арестован 23.05.38, расстрелян 04.02.40), начальник штаба Северного флота капитан 1-го ранга П.С.Смирнов (арестован 31.05.38, освобожден из заключения и реабилитирован в 1954 году), отважный североморец-подводник Николай Лунин (арестован 25.11.38, оправдан судом и освобожден в конце 1939 года).

...Не миновала жестокая доля и командира кавалерийского корпуса Константина Константиновича Рокоссовского. Он был арестован в августе 1937 года во Пскове, где размещался его штаб. Ему инкриминировали связь с японской и польской разведками и участие в заговоре против руководства страны. Несмотря на изощренные пытки (жестокое избивание, варварское психологическое давление: дважды имитировали расстрел – ставили к стенке и давали холостой залп), отважный командир не сломался и с негодованием отверг все нелепые обвинения в свой адрес.

О годах заключения маршала почти ничего не известно. Сам он на эту тему говорить не любил. В книге «Маршалы победы» (авт. А. Корольченко. Ростов-на-Дону.– Феникс, 2006) приводится любопытный документ: «Справка. Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, 1896 г.р., происходящему из гр-н б. Польши, г.Варшава, в том, что он с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. содержался во внутренней тюрьме УКБ НКВД ЛО и 22 марта 1940 г. из-под стражи освобожден в связи с прекращением его дела. Следственное дело № 25358 1937 г.». Он дает основание предполагать причастность прославленного маршала к теме нашего повествования.

...В свои неполные десять лет Костя Рокоссовский был сильным и вполне самостоятельным парнем. Поступив помощником мастера в гранильную мастерскую дальнего родственника Высоцкого, толковый мальчишка быстро освоил навыки работы с гранитом и вскоре как заправский каменотес трудился наравне со старшими товарищами. В 1913 году предприятию Высоцкого поручили ответственный заказ: облицевать гранитом восьмипролетный мост Николая II в Варшаве. Об этом Константин Константинович вспомнил однажды при весьма необычных обстоятельствах. Вот короткая цитата из книги Ивана Свистунова «Сказание о Рокоссовском» (Москва, Воениздат, 1976): «В штабе Донского фронта встречали новый 1943 год. Гости были известная советская писательница Ванда Василевская и её муж, знаменитый драматург

Александр Корнейчук. Среди оживленного разговора Рокоссовский вдруг спросил с мягкой застенчивой улыбкой:

– Вам, Ванда Львовна, доводилось в Варшаве по мосту Николая проезжать?

– Конечно. А почему вы спрашиваете?

– К этому мосту я некоторое отношение имею.

– Неужели строили? Вот не знала, Константин Константинович, что вы еще и инженер.

– Не совсем. Я каменотесом на строительстве моста работал. Облицовывал его гранитом»...

... В январе 1961 года на Северном флоте случилось ЧП – в Баренцевом море севернее острова Кильдин затонула новая ракетная подводная лодка «С-80». Морская пучина унесла 68 жизней. Для расследования обстоятельств и причин гибели лодки была назначена правительственная комиссия во главе с главным инспектором Министерства обороны СССР Маршалом Советского Союза Константином Константиновичем Рокоссовским...

...А сорок лет спустя в клубе любителей книги при севавтопольской морской библиотеке им. М. П. Лазарева оживленно обсуждали мой первый литературный опыт – «Кильдинскую повесть». В разгар дебатов слово попросил уважаемый адмирал в отставке, многие годы отдавший службе на Северном флоте. И вот что он рассказал: «Когда мы, офицеры штаба Северного флота, выходили в море к месту гибели подводной лодки «С-80», находившийся на ходовом мостике маршал Рокоссовский, глядя на проплывающую мимо угрюмую громаду Кильдина, не обращая ни к кому конкретно, задумчиво произнес: «Здесь я строил дорогу»?!

Под грифом «секретно»

...Международная обстановка ухудшалась. Пакт Молотова-Риббентропа (заклучен 23.08.39), на который рассчитывало советское Верховное командование, не давал гарантии безопасности. Все очевиднее становилась неизбежность войны с Германией. Разведка доносила о концентрации немецких войск, кораблей, подводных лодок и самолетов в базах соседних Скандинавских стран.

Заклученных и остатки местного населения с Кильдина спешным порядком вывезли на материк, оставив недостроенной дорогу. На военных объектах ускоренными темпами шли монтаж техники и сдаточные испытания. К началу Великой Отечественной войны (1941–1945) остров был буквально нашпигован военными. Там, по архивным данным Музея Северного флота, дислоци-

ровались: 2-й артиллерийский дивизион; 6-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион ПВО; запасной аэродром истребительной авиации (27-я авиабаза ВВС); 52-я пулеметная рота; 325-й стрелковый полк; отдельная рота легких танков Т-26; радиолокационные станции; посты наблюдения и связи; военно-морской лазарет.

Гранитный «линкор Кильдин», как тогда называли милитаризированный остров, имел задачу – не допустить врага в Кольский залив. Все воинские части находились в постоянной готовности к немедленным боевым действиям. Во то же время командиры не имели права принимать самостоятельное решение на открытие огня без согласования с командованием Мурманского укрепрайона (МУР) и штабом Северного флота. Излишняя опека сковывала инициативу, создавала нервное напряжение, порождала нерешительность командиров.

...Бывший рыболовецкий траулер «Лебедка», срочно переоборудованный в канун войны в сторожевой корабль «Туман» с экипажем в 52 человека, при двух 45-миллиметровых пушках и двух станковых пулеметах калибра 7,62 мм, находился в дозоре у острова Кильдин. Ночью 10 августа (в 4 час. 25 мин.) сигнальщики «Тумана» обнаружили три фашистских эсминца, полным ходом идущих на сближение. Немецкие корабли напали на сторожевик и в течение часа хладнокровно расстреливали его на виду у мощных береговых батарей острова, где в это время происходили странные события. Вот их хронология (Е. Ю. Кобчиков. «Бой и гибель сторожевого корабля «Туман», ж. «Гангут», № 6, 1993, с.98-101): «Первыми приближение кораблей противника (в 4 час. 20 мин.) обнаружили сигнальщики 61-й батареи 6-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (ОЗАД). О чем немедленно доложили командиру батареи и на командный пункт (КП) дивизиона. В адрес оперативного дежурного Северного флота направили донесение за № 0426 о появлении противника. Спустя 12 минут оперативный дежурный 6-го ОЗАД доложил об этом на КП 2-го отдельного артиллерийского дивизиона (ОАД). Оперативный дежурный усомнился в достоверности полученного донесения, никому из командования не доложил и не поставил задачи подчиненному ему подразделению. Лишь в 4 час. 47 мин., когда сигнальный пост, дальномерщики и часовой КП доложили о том, что противник открыл огонь по дозорному сторожевому кораблю (СКР), оперативный дежурный разбудил начальника штаба 2-го ОАД... Через три минуты с КП МУРа было получено приказание о переводе 2-го ОАД в боевую готовность № 1, что исполнили к

4 час. 55 мин. К этому времени эскадренные миноносцы противника прекратили огонь, так как потерявший управление «Туман» оказался закрытым своей дымовой завесой. Командиры 2-го ОАД и батареи № 10, считая стрельбу из-за плохой видимости невозможной, огонь по противнику решили не открывать...»

В 5 час. 30 минут с тонущего корабля спустили на воду шлюпки, куда и перебрались оставшиеся в живых (37 человек). Через двадцать минут «Туман» затонул. Вместе с ним в морскую пучину ушли 15 североморцев, убитых в бою, в том числе командир «Тумана» старший лейтенант Л. Шестаков и военком политрук П. Стрельник. Фашистские эсминцы ушли в свою базу... А мощная артиллерия Кильдина за всю войну так и не произвела ни единого выстрела.

...Послевоенная мирная жизнь на острове налаживалась быстро. На Старом Кильдине (Могильное) заработала рыбацкая фактория. Пробовали даже разводить песцов. Снова открыли почту, школу. Построили клуб, баню. К концу 1948 года в поселке проживали 117 человек, из них 38 – дети. Как и в былые времена, в Могильную бухту на летние промыслы съезжались рыбаки со всего Мурмана. Военские части, оставленные на острове, несли повседневную службу и, как могли, обустроивали свой немудреный быт. Запасной аэродром изредка встречал и провозжал самолеты с проверяющими.

Только вот до строительства дороги опять руки не дошли. Каждый командир, кляня её на чем свет стоит, считал дорогу не своим «объектом» и во время периодически случавшихся разносов инспекти-

рующего начальства старался перевести стрелку на соседа. Дорога ветшала, и лишь брусчатка, словно в укор нашей извечной безалаберности, оставалась в первоклассном состоянии...

...В пятидесятых годах корабли и береговые части Советского Военно-Морского флота получили новый вид вооружения – крылатые и зенитные управляемые ракеты. И снова Кильдин стал секретным объектом. Всё гражданское население опять выслали на материк. Теперь уже навсегда. Особенно пострадала рыбацкая фактория на Старом (Могильном) Кильдине. Брошенный поселок выглядел покойником, которого забыли похоронить в спешке отъезжавшие родственники.

Зато в северной части пустынного плато полным ходом шла круглосуточная стройка. Мощная техника в скалистом грунте рыла огромные траншеи (более 100 м в длину, до 10 м в ширину и более 6 метров в глубину), в которых сооружали бетонные помещения для будущих ракетных комплексов. Готовые объекты засыпали горной выработкой так, что снаружи они выглядели невысокими покатыми холмами. Ещё наверху лягали гусеницы бульдозеров, а внутри специалисты многих «почтовых ящиков» устанавливали приборы и оборудование, проводили наладку и технические испытания агрегатов. Менее чем за два года всё было готово. Правда, в спешке дали маху: стартовые дворики (открытые круглые бетонные бассейны с высотой брустера более полутора метров), куда для производства старта выкатывались металлические балки с ракетами, часто заносило снегом. Метели в считанные часы его так утрамбовывали, что балку либо нельзя было выкатить вообще, либо нельзя было повернуть на

Городок Лимон
на острове Кильдин

нужный азимут. Выручали ракетчиков проверенные веками устройства – лопаты.

Ещё одна осечка случилась с жилым городком для личного состава, офицеров и прапорщиков с семьями. Он значился в генеральном плане. Но... отрапортовав наверх о боевых успехах, строители в срочном порядке убыли на материк, пообещав ракетчикам в скором времени вернуться и построить благоустроенное жильё. А пока просили подождать и пожить в наспех сколоченных временках. Это ожидание растянулось на долгие двадцать лет.

...Вообще, жизнь на секретном полярном острове сплошь состояла из ожиданий. Ждали рейсовые пароходы, которые при хорошей погоде дважды в неделю заглядывали на Кильдинский рейд. Они привозили почту, посылки от родственников, подгулявших в командировке мужей с неизменными подарками и «заказами». С нетерпением ждали появления солнца после долгой полярной ночи. С его первыми лучами на коммунальных кухнях начинались нескончаемые разговоры о предстоящем выезде «на юга». И чем длиннее становился день, тем настойчивее жены одолевали своих мужей скорейшим убытием к истосковавшимся по родным чадам, мамам, бабушкам и тетям...

Мужчины жили ожиданием плановых и «внезапных» проверок, ракетных стрельб, итоговых политзанятий... и командировок на Большую землю, чтобы хоть малость расслабиться от военной «напряженки». Ждали очередных воинских званий и продвижения по службе. Но больше всего ждали приказа о переводе на Большую землю в места более теплые и цивилизованные.

Чувство постоянного ожидания откладывало отпечаток и на быт островитян. Он был неприхотлив и скром. Мебель (платяные шкафы, кушетки, столы и прочие предметы обихода) была либо казенной, либо передавалась по наследству из поколения в поколение. С приходом «Орбиты» (1967 год) полированный «телеящик» стал основой вечернего досуга. Дважды в неделю в местном клубе, а там, где его не было, в матросской столовой, на узкоплечном аппарате крутили старые фильмы. Правда, все много и охотно читали. При желании можно было получить во временное пользование с Большой земли практически любую книгу. Выписывали «толстые» литературные журналы и центральные газеты.

Из-за новинок Аксенова, Гладилина, Стругацких, Ивана Ефремова на кухнях разгорались баталии, по накалу ничуть не уступавшие знаменитым «политехническим» сходам. И, конечно же, как и во все времена, доблестное офицерство с удовольствием коротало долгие полярные ночи за классическим преферансом или дружескими посиделками за чаркой «Кильдинского камня» – брусники, настоянной на спирту...

Разгром

...А потом наступили смутные времена: в Москве били из танков по «Белому дому». В Чечне бомбили Грозный. В Севастополе делили Черноморский флот. Из Германии, Польши и Прибалтики срочным порядком выводили советские войска. На Кильдине с тревогой следили за разгулом «демократии» и ждали своего часа. Ждать пришлось недолго. В 1994 году было приказано убрать с острова все воинские части, расквартированные на южном берегу. Потом дошла очередь и до ракетчиков. Директива пришла в начале мая 1995 года. В ней предписывалось к 31 августа 1995 г. свернуть полк. Вывести боезапас ракет и системы управления стрельбой, а всё остальное бросить на вечные времена в кильдинских сопках. Матросов срочной службы отправить в Североморский экипаж. Офицеров и прапорщиков, имеющих необходимую для пенсии выслугу, представить к увольнению в запас, остальных направить в распоряжение начальника управления кадров Северного флота.

Разрушенная артбатарея

Командир полка, пятнадцать лет отдавший службе в кильдинской глухомани, собрал офицеров, зачитал бумагу и потребовал: «*Пакуйте домашний скраб. Жен и детей отправляйте на материк. На всё даю неделю. Личный состав пока не трогать. Я ближайшим рейсовым пароходом сметаюсь в Североморск. Попробую «сдвинуть» сроки, но особой надежды на понимание не питаю. Поэтому каждый в своем подразделении прямо сегодня начинайте готовить к эвакуации технику. В первую очередь всё секретное и наиболее ценное, что может пригодиться там».* Он неопределенно махнул в пустоту, ибо где это «там» и будет ли оно вообще, не знал никто.

Убеждать североморских чиновников пришлось до сипоты, но все же удалось окончательный срок перенести на 31 декабря.

И вот когда большую часть техники уже отправили на материк, неожиданно пришла телефонограмма: «*В соответствии с планом завоза топлива и ГСМ на 1995/1996 год срочно примите три самоходных баржи с соляром и углем».*

Командир звонил в тыл флота, в своё управление. Доказывал, что абсурд завозить уголь и ГСМ для несуществующего полка. Пока шли пререкания, начались обложные дожди, а за ними и снег. Транспорты для перевозки техники срочно куда-то перебросили. На вопрос: что делать с оставшимся имуществом? – североморское начальство в раздражении бросило: «Засунь его к себе в... Принимай соляр и уголь...»

...В ночь на 31 декабря 1995 года последние офицеры берегового ракетного полка покинули остров Кильдин. Покинули в спешке, как при отступлении. Уничтожить капитально отремонтированные и подготовленные к долгой зиме банно-

прачечный комбинат, детский сад, базовый матросский клуб (гордость островитян), котельную и электростанцию не поднялась рука. В аккуратные штабеля уложили бочки с соляром. Уголь сбункеровали и прикрыли старыми чехлами от ракет. Тщательно смазали все механизмы недавно модернизированных многотонных пусковых установок. Их опустили в шахты и закрыли железобетонными крышами – откатниками. На все двери повесили замки и слепки с печатями, втайне надеясь, что «перестроечный» угар вскоре пройдет и разум возобладает.

...Но этого не случилось. По весне, едва сошел снег, на секретный остров хлынули лихие ребята с судами, автогенами, кранами и тягачами. За короткое полярное лето вырезали, вырубали, упаковали и увезли брошенное военными добро. Не забыли и про заботливо припасенный с осени соляр с угольком...

...А сейчас на острове (вот уже второй десяток лет) «металлисты» уродуют военные реликвии, которыми следовало бы гордиться, грабят городки, рушат могилы и памятники первопоселенцам... Истерзанный остров тихо умирает, уже не веря в своё возрождение. Кто-то скажет: подумаешь, остров – клочок суши в полярной глуши. При наших-то просторах и нашем-то богатстве это ли повод лить слезы?

Может, с точки зрения современных нигилистов, оно и впрямь так. Только вот не дают покоя слова Антона Павловича Чехова, сказанные им после поездки на остров Сахалин: «*Как дурно понимаем мы патриотизм!..*»

Сергей Терентьевич АКСЕНТЬЕВ –

уроженец г. Челябинска (1940).

После окончания Черноморского высшего военно-морского училища

им. П. С. Нахимова в Севастополе (1964)

был направлен на Северный флот (о. Кильдин).

Преподавал в Бакинском и Черноморском училищах,

сейчас – ведущий научный сотрудник

научно-исследовательской лаборатории, кандидат технических наук,

автор более ста научных работ, в том числе и патентов на изобретения.

Публиковался в периодической печати Севастополя и Крыма,

журналах «Север», «Странник».

Член Союза журналистов России с 2006 года.

